

Исследование М. Кенигсберга о внутренней форме слова у А. Марти (1924)

Предмет настоящей работы касается двух, по разным причинам мало известных ученых: швейцарского философа Антона Марти (1947–1914) и филолога-лингвиста Максима Максимовича Кенигсберга (1900–1924). Первый, несмотря на то, что упоминается в качестве крупного философа языка в исследованиях Гуссерля, Ингардена, Хайдеггера, Якобсона и других, долгое время оставался известен только узкому кругу специалистов¹. О втором можно привести слова единственного, насколько мне известно, исследователя его творчества М. Шапира, о том, что необходимо вообще:

вписать в историю русской филологии XX в. Максима Максимовича Кенигсберга, имя которого никогда не пользовалось особой известностью, а мысли если отчасти и стали достоянием науки, то лишь постольку, поскольку дошли до читателя в составе чужих работ².

Данные биографии рано умершего Кенигсберга прежде всего связаны с его научной деятельностью. При жизни он опубликовал только несколько рецензий, а его статьи и незаконченные работы остались в рукописях. Самые крупные его работы относятся к темам, которые обсуждались в ГАХН. Научная деятельность Кенигсберга начинается еще в студенческие годы (1918–1922), когда он вошел в Московский Лингвистический Кружок (далее МЛК) и стал его действительным членом. В кружке он участвовал в разных секциях и особенно активно занимался издательской деятельностью. В 1922 году он примыкает к новообразованной секции МЛК «Ars Magna», а в следующем году мы встреча-

¹ См.: Venditti M. La forme interne du mot chez G. Chpet et A. Marty // *Gustave Chpet et son héritage aux sources russes du structuralisme et de la sémiotique* / Edit. par M. Dennes (Slavica Occitania, 26). Toulouse, 2008. P.181–190.

² См.: Шапир М. И. М. М. Кенигсберг и его феноменология стиха // *Russian linguistics*. 1994. № 18. С. 73.

ем его в Комиссии по изучению художественной формы Философского отделения РАХН, руководимой Густавом Шпетом. Молодой ученый умер в 1924 году от «разрыва сердца»³. Кенигсберг был одним из любимых учеников Шпета, ему философ посвятил свою итоговую работу «Внутренняя форма слова» (1927). Кенигсберг опубликовал ряд рецензий и статей в машинописном журнале «Гермес», вдохновленный эстетической философией Густава Густавовича⁴.

Работа Кенигсберга об учении Марти начинается в рамках задач, сформулированных Шпетом в плане всестороннего исследования вопроса о форме — вместе со Шпетом и Буслаевым Кенигсберг должен был рассмотреть различные аспекты проблемы «внутренней формы»: поэтическую, конструктивную и фигуральную⁵ внутреннюю форму.

В течение четырех месяцев (с октября 1923 года по 29 января 1924 года) Кенигсберг пишет статью под названием «Понятие внутренней формы у Антона Марти и возможности дальнейшей интерпретации»⁶. В тексте имеются рукописные добавки разного рода: кроме вставок автора и вписанных от руки иностранных выражений встречаются также вопросительные знаки на полях, когда текст неясен, поставленные рукой неизвестного лица⁷. Стил и орфография весьма своеобразны: Кенигсберг, следуя за Шпетом, не употребляет двойных согласных (клас с одним «с», граматика с одним «м» и т.д.). Прочитируем в связи с этим наблюдение Максима Шапира:

Авторитет <...> профессора Г.Г.Шпета для участников «Гермеса» распространился даже на орфографию: они тоже писали и печатали в ряде случаев <...> без удвоения согласных. <...> Особое значение придавалось тому, чтобы слово *тожество* писалось именно так, без д, прямо образуясь от слова *то же*⁸.

Значение работы Кенигсберга в том, что в ней учение Марти о внутренней форме интерпретируется сквозь призму шпетовской философии

³ Там же. С. 73–81.

⁴ По поводу истории машинописных изданий 1920-х годов см.: Левинтон Г. А., Устинов А. Б. Московская литературная и филологическая жизнь 1920-х годов: машинописный журнал «Гермес» // Пятые Тыняновские чтения. Рига, 1990. С. 197–210; Степанова Л. Г., Левинтон Г. А. Из истории дантоведения: статья Д. С. Усова о переводе «Новой жизни» в «Гермесе» // Тыняновский сборник: Шестые — Седьмые — Восьмые Тыняновские чтения. М., 1998. Вып. 10. С. 514–547.

⁵ Кенигсберг переводит немецкий термин *figürliche innere Form* как «фигурная внутренняя форма». В тексте мы будем пользоваться принятым переводом «фигуральная форма», а в цитате оставим его переводческое решение. Судя по некоторым неточностям перевода и транскрипции Кенигсберг, вероятно, недостаточно владел немецким языком.

⁶ Текст хранится в архиве Центрального Муниципального Архива Москвы и состоит из 43 машинописных страниц с пометами на полях. Выражаю свою благодарность И. Пильщикову за оказанную помощь при получении рукописи Кенигсберга.

⁷ По мнению С. И. Гиндина заметки могли принадлежать перу Жинкина, в архиве которого хранятся рукописные работы Кенигсберга.

⁸ См.: Шапир М. И. М. М. Кенигсберг и его феноменология стиха... С. 174–175.

языка. Заметно, что ученик Шпета излагает философию языка Марти в целом, стремясь подчеркнуть скорее сходства, нежели различия, между двумя философами. С другой стороны, в 1920-е годы ссылки Шпета на работы Марти встречаются часто, но они не однозначны: если в работе «Герменевтика и ее проблемы» (1918) Марти является примером изящного анализа в области «семасиологии», то в «Эстетических фрагментах» (1922–1923) его теория полностью отвергается; в работах о психологии и о логике истории Шпет прямо опирается на «всеобщую семасиологию» Марти, а в неопубликованной тогда книге «Язык и смысл» (1921–1925) учение о внутренней форме швейцарского философа подвергнуто очень подробному анализу. После этих углубленных занятий, свидетельствующих об усвоении теории Марти и приспособлении ее к собственной философской системе, имя Марти упоминается Шпетом в книге «Внутренняя форма слова» всего лишь один раз⁹.

Рассмотрим главные черты учения Марти, прежде чем перейти к интерпретации и анализу его концепции Кенигсбергом. Исследование Марти о внутренней форме составляет часть его семасиологии, т. е. учения об основных функциях языкового выражения. Психологическая постановка вопроса предопределяет аргументацию Марти, ученика Brentano: если психическая жизнь составляет единственную данность, то ее законы управляют и языком как, например, способом ассоциативной связи и аналогии. Язык проявляет психическую жизнь через посредство звуков, понимаемых не сами по себе, а условно; язык — это функциональная телеологическая система знаков, цель которой — интересубъективное сообщение. Но Марти отрицает параллелизм мышления и языка: в коммуникативном акте не все, что говорящий хочет высказать, выражается словами. Язык, таким образом, является функцией психической жизни, и главная задача семасиологии заключается в определении того, какие функции нуждаются в языке. Лейбницианский проект универсального языка возвращается в предложении Марти определить «всеобщую грамматику»; в отличие от «чистой и априорной грамматики» Гуссерля, которой устанавливает априорную возможность обозначения в языке, Марти указывает на два направления исследования: первое, описание общих семантических функций различных языков; второе, демонстрация того, что является общим в их употреблении. Этим призвана заниматься общая семасиология, которая лежит в основе философии языка. Таковы основные тезисы учения Марти

⁹ «...высшее достижение, до какого дошла принципиальная разработка вопросов семасиологии, мы встречаем в вышедших в один год (1908) книгах Марти и Гомперца. Из них первый поражает изяществом и тонкостью анализа» (Шпет Г. Г. Герменевтика и ее проблемы [1918] // Шпет Г. Г. Мысль и слово. М., 2005. С. 411); «В целом предполагаемое здесь учение о внутренней форме радикально отличается от учения Марти» (Шпет Г. Г. Эстетические фрагменты // Шпет Г. Г. Сочинения. М., 1989. С. 410). Ср. также: Шпет Г. Г. Введение в этническую психологию. М., 1926, а также: он же. Внутренняя форма слова. М., 1927.

о внутренней форме слова, составляющего ядро его семантической концепции.

Рассмотрим теперь, каким образом Кенигсберг излагает философию языка Марти. Знакомство Кенигсберга с творчеством Марти относится не только к работам, опубликованным самим автором, но и к сочинениям Марти 1910 года, составленным его учеником Оскаром Краусом. Кенигсберг подчеркивает, что понятие внутренней формы появляется в творчестве Марти с самого начала, поэтому он посвящает свое исследование общему обзору творчества философа.

Уже в работе 1875 года «О происхождении языка» (*Über den Ursprung der Sprache*), рассматривая развитие языка как явление сознательное, намеренное, хотя и непланомерное, Марти обращает внимание на главный акт понимания в языковом факте. Гумбольдтовское понятие внутренней формы он использует против нативистического подхода к изучению языка, чтобы указать на «преднамеренность в приспособлении речевых средств к пониманию». В отношении между звуковым знаком и обозначаемым предметом Марти признает ассоциативную связь на примере ономотопеи.

Таким образом, в приведенных примерах ономотопеи внутренняя языковая форма служит связующей нитью (*Band der Assoziation*) между звуком и значением, а сама ономотопея представляет собою *сознательное* синекдохическое перенесение (Л. 2).

Марти объясняет развитие языка не на основе биологических механизмов, а как «деятельность сознания, направленную на облегчение понимания и закрепление связей между звуком и значением». Именно звукоподражание служит примером того, что данная связь лежит в основе обозначения предмета; звукоподражание играет роль вспомогательного представления (*Hilfsvorstellung*), указывающего на собственное значение.

Дальнейшие исследования Марти углубляют и расширяют вопросы, поставленные на начальном этапе. Кенигсберг подчеркивает некоторые главные элементы учения Марти: во-первых, он сразу связывает понятие внутренней формы с актом понимания как его средством. Во-вторых, философ замечает, что явление внутренней формы может быть использовано «ради красоты жизни наших представлений, для достижения с их помощью эстетического наслаждения». Кенигсберг уточняет, что в большинстве своих работ Марти, прежде всего, обращает внимание на понятие той внутренней формы, которую в своей главной книге «Исследования (у Кенигсберга „Разыскания“) по обоснованию общей грамматики и философии языка» (*«Untersuchungen zur Grundlegung der allgemeinen Grammatik und Sprachphilosophie»*, 1908) он называет фигуральной (*figürliche innere Sprachform*). Прежде чем сосредоточиться на подробном и критическом изложении самых «Исследований», Кенигсберг предлагает общий обзор творчества Марти.

В традиции толкования «формы» Марти выделяет два главных направления:

В одном случае форма противопоставляется материи (Stoff), и <...> выступает как более существенная (Wesenhafte) <...>; в другом — форма корелятивно противопоставляется содержанию (Inhalt) или значимости, содержательности (Gehalt), причем <...> <в качестве> более существенного выступает <...> последнее (S. 102). Языковые явления как раз и служат примером формы в этом последнем смысле; — корелятивно с ними соотносится выраженное значение (Л. 3).

Так образуется отношение между тремя терминами: форма — материя — содержание. Марти утверждает, что в данном соотношении материя является «нерелевантной», а Кенигсберг ставит вопрос с другой точки зрения, можно сказать структуралистской и возражает:

«матерьял» становится релевантным для значимости художественного произведения лишь в том случае, когда он представляет собою шаткую систему форм, когда он может быть разрешен в такую систему, когда сам этот «матерьял» является выражением некоторого художественного, геср. культурного, сознания. Таким представляется мрамор как неизбежный спутник пластики классицизма (Л. 4).

Данные два направления мысли приводят к следующим результатам: первое — форма как образ, где она «является в кореляции с понятием так или иначе оформленного как нечто *определяющее*»; второе — форма как сосуд, где «форма выступает как нечто *пустое*, наполняющее же содержание как *определяющее*».

Кенигсберг делает некоторые выводы по поводу понятия формы в области языка у Марти: 1) форма выступает всегда как термин некоего соотношения; 2) «для существа понятия форма безразличен характер образа, репрезентирующего нам это понятие: формы, как вид, и формы, как пустой сосуд — в конце концов дают формы как клас, что является наиболее общим выражением интересующего нас понятия» (Л. 7); 3) для Марти не имеет значения, есть ли форма нечто ценное или нет. Из этого следует, что для Марти «любой предмет, поставленный в известное соотношение, может рассматриваться как форма, что приобретает особенно важное значение при предстоящей нам спецификации понятия» (Л. 5). «Эстетические фрагменты» Шпета, пишет Кенигсберг, представляют собой принципиальное развитие и углубление вопроса о соотносительности терминов формы и содержания. Вместе с тем они являются и описанием системы форм.

Марти переходит к рассмотрению и определению формы в области языка, уточняя значение последнего:

Под языком разумеется *намеренное обнаружение* (absichtliche Kundgabe) внутренней жизни посредством каких угодно знаков, особенно с помо-

щью звуков, причем не таких, которые понятны непосредственно, а таких, сигнификативная сила которых обязана привычке (Gewohnheit) и градации (Л. 8).

Язык—это орудие сообщения, и семасиология исследует языковые средства (Sprachmittel) как таковые. В языковом контексте Марти определяет форму следующим образом:

каждое средство выражения, по отношению к которому как материя или содержание выступает подлежащее сообщению, значение. Такими формами являются слова, сложения слов, словосочетания (Л. 9).

Швейцарский философ разделяет в языке внешнюю форму, выражения доступные внешнему чувственному восприятию, и внутреннюю форму, выражения доступные внутреннему опыту.

Кенигсберг предлагает резюме трактовки Марти понятия внешней формы, обозначая его как «звуковую архитектонику языкового средства»:

К внешней форме причисляется все, что противостоит известному подлежащему выражению содержанию как чувственно воспринимаемая форма его передачи. <...> Для того чтобы звуки были элементами языковой формы нужно, чтобы эти звуки находились в соотношении с каким-либо значением, которое бы в них являлось языково (sprachlich) оформленным. Только в этом случае звуки являются внешней языковой формой (Л. 12).

Важным для Кенигсберга является понимание Марти внешней формы как «средства выражения, коррелятивного некоторому содержанию». Необходимо тогда установить, что именно составляет различие среди языков, с одной стороны, и среди выражений разного значения на одном языке, с другой. Все эти рассуждения приводят к центральной теме, которую Марти определяет таким образом:

К понятию внутренней формы относятся все те моменты в структуре языкового средства в его актуальных свойствах и методических особенностях, которые воспринимаются внутренним опытом (Л. 13).

Философ выделяет два класса внутренней формы: фигуральную и конструктивную. Рассмотрим определение первой:

Фигурная внутренняя форма заключается в известных представлениях, которые вызываются нашими языковыми выражениями, но сами не образуют значения этих выражений, а служат только к тому, чтобы выявить эти значения по законам ассоциации. Любая метафора или метонимия дает лучшие тому примеры (Л. 14).

На первом этапе своего исследования Марти называл это сопровождающее представление «этимомом», но потом отбросил данный тер-

мин. Кенигсберг посвящает восемь страниц изложению размышлений Марти о фигуральной внутренней форме, в силу того, что к этой области относятся очень многие явления: способы изображения душевных явлений и состояний с помощью имен и выражений. Подчеркивается, что здесь речь совсем не идет о смысле выражения, но о разных его возможных целях: эстетического удовольствия или содействия пониманию. «Представления физических феноменов, заключающихся в этих выражениях не образуют их смысла. Они <...> должны служить нитью ассоциации МЕЖДУ звуком и значением (я обращаю внимание, — пишет Кенигсберг, — на это „между“, через его посредство имеемого в виду (durch ihn wirklich gemeinten)» (Л.15–16).

Кенигсберг излагает очень тщательно все примеры фигуральной внутренней формы, приводимые в аргументации Марти, упоминая по ходу и другие его работы. В заключение рассмотрения внешней формы Марти останавливается на природе и происхождении самого ее явления. Предвосхищая соображения де Соссюра, Марти объясняет, что поскольку представления фигуральной внутренней формы имеют вспомогательную функцию, их цель заключается в «экономии языковых средств», которая позволяет

без планомерного расчета обходиться с ограниченным количеством средств для обозначения громадного круга подлежащих выражению содержаний (Л. 22).

Фигуральная внутренняя форма использует не язык как целое, а отдельные средства и методы обозначений в нем. Ее характер часто описывает образ жизни употребляющего язык народа. Марти пишет:

Ein Volk, das den Pfeil «Kind des Bogens» nennt, wird dann analoge Wendungen auch in analogen Fällen bevorzugen (Л. 22) [Народ, который называет стрелу «дочерью лука», будет также предпочитать аналогичные обороты в аналогичных случаях].

Таким образом, все особенности явления внутренней формы придают языку особую печать и представляют то, что называется «духом» или «гением языка».

Перейдем к анализу второго класса внутренней формы, конструктивной, которая является основной в «Исследованиях». Данное понятие возникает, по словам Кенигсберга, потому, что «Марти почувствовал себя вынужденным расширить в *Разысканиях* то содержание понятия внутренней формы, которое было дано им в предшествующих работах».

Конструктивная внутренняя форма относится к категории элементов, которые в конструкции предложения не воспринимаются чувственно и связаны с временным чередованием: это синтаксис, через который значение образуется из парадигматических и синтагматических комбинаций. В языке не выражается все, что имеется в виду, но есть некоторые представления, которые помогают пониманию, готовят к нему.

Кенигсберг приводит цитату Марти из Кондильяка: речь идет о различных *manières de décomposer la pensée*¹⁰, различных синтаксических порядках, которые лежат в основе различий между языками и являются существенным условием акта понимания.

Все эти случаи того или иного распределения семантических элементов предложения в известный ряд, так что иные элементы образуют предваряющие представления и создают те или иные ожидания функции отдельных составных частей предложения, Марти относит к области внутренней формы. Они не образуют еще понимания в собственном смысле, и есть только предшествующая ступень, преддверие к нему, <они> относятся к методам выражения, но воспринимаются все же не прямо внешне, чувственно (Л. 24).

Оба класса внутренней формы живы в сознании говорящего, через них производится языковое сообщение. Роковая ошибка в традиции истолкования понятия внутренней формы заключается, по мнению Марти, в отождествлении или в смешении внутренней формы со значением. Можно добавить, что, по выражению Шпета, внутренние формы — только алгоритмы, они всеобщи и определяют отношения знака со смыслом.

В заключение своего исследования Кенигсберг делает выводы и указывает на главные черты учения Марти, оценивая его преимущества и недостатки.

Во-первых, «психологизм учения Марти не лишает его очень многих безусловных его достоинств, тем более, что этот психологизм во многих случаях есть не более как традиционная терминология» (Л. 34). В особенности его понимание «сознания» избегает опасности психологизма; «представление» — это понятие играет важную роль в определении внутренней формы у Марти — нельзя истолковать в психологическом смысле. У него это всегда «тот или иной структурный момент в слове».

Во-вторых, Марти рассматривает язык как «социальное и историческое явление», поэтому в его учении речь идет не о слове и о понятии, но о языковом средстве (*Sprachmittel*). Оказывается, что общей областью внутренней формы (фигуральной и конструктивной) является лингвистика.

Кенигсберг подчеркивает важность понятия конструктивной внутренней формы, самого интересного открытия Марти, потому что ее явления относятся к стилистическому, поэтическому моменту в структуре слова. Но в учении Марти здесь появляется противоречие: эти формы, всегда присутствующие в языковом акте, не исчерпываются только их чувственным бытием. Кенигсберг уточняет:

¹⁰ Кондильяк в разделе «О грамматике» своего «Курса занятий по обучению принца Пармского» (1775) говорит об «искусстве» (*art*) расчленения мыслей: «Ce sont les langues qui nous fournissent le moyen de décomposer la pensée» [Языки — это то, что дает нам средство для расчленения мысли].

Они есть прежде всего идеальные возможности языкового средства, его предметные формы, материально так или иначе осуществляемые. Их соотношения с логическими дают тот или иной рисунок, создавая стилистические фигуры, затрудняя или плавно проводя понимание, но тогда нужно говорить уже об особых риторических и поэтических формах синтаксиса, которые могут сознаться и могут не сознаться... (Л. 37)

Конструктивная внутренняя форма присутствует всегда в качестве особой категории языкового знака, но Марти это не ясно выражает. Недостаток Марти или, скорее, неполнота его теории состоит в том, что он употребляет в исследовании о внутренней форме ограниченное понятие языкового средства. Развитие и углубление концепции Марти, продолжает Кенигсберг, осуществлено Шпетом в «Эстетических фрагментах». Правда, именно в этом произведении Шпет утверждает, что его учение «радикально отличается» от философии языка А. Марти. Однако Кенигсберг считает, что связь между ними глубже, чем представлялось Шпету. Главная разница, позволяющая Шпету обработать систему форм словесной структуры, лежит в различной перспективе двух мыслителей: Шпет не только употребляет более емкое понятие «слово», но и смотрит на него с универсальной, философской точки зрения и переносит анализ «в плоскость принципиальную из плоскости дескрипции эмпирических явлений языка». Такая постановка вопроса позволила Шпету не только выделить важную и основную роль логических форм, но также обогатить учение о внутренней форме в ее применении в области эстетики. В особенности это относится к введенному Шпетом понятию «внутренних дифференциальных поэтических форм», которые следующим образом определены в «Эстетических фрагментах»:

Они слагаются как бы в *иере* синтагм и логических форм между собою <...>. Они суть отношения к логической форме дифференциала, устанавливаемого поэтом через приращение онтического значения синтагм к логической форме¹¹.

Несмотря на их различие, отмечает Кенигсберг, некоторые мысли Марти «в известной мере предугадывают такую постановку вопроса»:

Там, где Марти говорил о соотношениях конструктивных внутренних форм с формами значения и о стилистическом их назначении, предполагалась уже проблема дифференциала, но Марти ее не разглядел (Л. 39).

Фигуральная внутренняя форма, продолжает Кенигсберг, должна была быть рассматриваема «чисто онтологически, чтобы скрепить связь со старым своим значением», иначе она остается только генетической

¹¹ Шпет Г. Г. Искусство как вид знания. Избранные труды по философии культуры / Отв. редактор-составитель Т. Г. Щедрина. М., 2007. С. 231.

характеристикой. Фигуральная форма выступает как «образ, набрасывающий на вещь гирлянды слов-названий, сорванных с других вещей»; она имеет только потенциальный характер, который актуализируется путем «придицирования». Кенигсберг утверждает, что можно развить положительные мысли Марти:

Поэма есть так же слово, и в этом слове, как во всяком другом, наличествуют внутренние формы. Фундаментом и основанием их всех являются формы логические, на которых вырастают автоонтологические¹² формы слова-поэмы, и из дифференциала этих последних с логическими создаются формы поэтические или, осторожнее сказать, риторические или стилистические (Л. 40).

Конструктивные (синтаксические) формы, с другой стороны, выступают как «традиционные формы поэмы: рондо, сонет <...> что являет собой твердые автоонтологические схемы. В конце концов все формы композиции являются такими автоонтологическими формами поэмы, как слова».

Фигуральные формы, по терминологии Марти, всегда потенциальны, они лежат в онтических возможностях слова. Кенигсберг утверждает, что «поэтическими внутренними формами являются все внутренние формы, наличествующие в исторических поэмах». В заключении Кенигсберг предлагает свою интерпретацию эстетической концепции, изложенной Шпетом в «Эстетических фрагментах», как развитие учения Марти:

поэтические внутренние формы появляются там, где появляется «третий род истины», где дифференциал отношения между синтагмой поэмы и ее фундаментом складывается в целую цепь quasi-предикативных форм, развертывающих основное схождение, положенное в основу поэтической фигурной внутренней формы, с последовательностью, аналогичной последовательности логических отношений, — quasi-логическое развитие (Л. 42).

В итоге приведем последние слова исследования молодого Кенигсберга, действительно отдающие дань философии своего учителя:

здесь «вой ночного ветра» становится не только обоснованным интеллектуалистически обозначением, и не просто риторической метафорой, основанной на схождении космоса и воющего animalis, но где этот вой становится понятным языком, твердящим о непонятной муке подлинно страшную песнею «про древний хаос, про родимый» (Там же).

Дух Шпета пронизывает эти строки. Кенигсберг ссылается здесь на стихи любимого обоими Тютчева, чтобы определить творческий характер поэзии, оживляющей через внутренние поэтические формы все возможности языкового выражения.

¹² Здесь Кенигсберг имеет в виду «чистые» онтологические формы; см. Шпет Г. Г. Искусство как вид знания... С. 231–233.

Попробуем указать в заключение на главные черты понимания внутренней формы у Марти, у Шпет и вместе с тем на достоинства работы Кенигсберга. Во-первых, сложность понятия внутренней формы связана с тем, что оно является основой осмысления языкового знака в коммуникативном акте. Марти, выделяя два класса внутренней формы (конструктивной и фигуральной) в качестве способа формирования языкового средства в процессе понимания, все-таки остается на эмпирическом и психологическом уровне. Шпет, признавая правильную постановку вопроса о внутренней форме у Марти, замечает: «Нужно только брать его высказывания не в психологистическом аспекте, как он сам их употребляет, а в логическом»¹³. Как отмечает и Кенигсберг, Марти имеет в виду не «слово» как «знак» в логическом и формальном смысле, а «наименование». Область форм — это логика, и логическая оперативная роль слова состоит в строении внутренних форм, определяющих семантические отношения, утверждает Шпет. Внутренняя форма слова определяется Шпетом как «отношение знака языка к его значению» с целью взаимопонимания. В ходе конструктивной и подробной критики учения Марти в книге «Язык и смысл» Шпет, таким образом, сильнее подчеркивает свои разногласия с ним. И здесь-то можно видеть достоинства изложения Кенигсберга: ученик рассматривает философию языка Марти со шпетовской точки зрения, находя, напротив, много общего между их учениями. Роль внутренней формы имеет ключевое значение в рамках эстетики. У Шпета в словесном искусстве, в области фантазии, значение образовывается через «внутренние дифференциальные поэтические формы», а как мы видели выше, Кенигсберг указывает на то, что и Марти отметил данное понятие, не развивая его до конца, когда он говорит о «стилистическом назначении» соотношения «грамматических форм» со значением. Кенигсберг завершает свое изложение учения Марти о внутренней форме, интерпретируя его философию как важный шаг на пути к теории Шпета.

Литература

- Venditti M. La forme interne du mot chez G. Chpet et A. Marty // *Gustave Chpet et son héritage aux sources russes du structuralisme et de la sémiotique* / Edit. par M. Dennes (Slavica Occitania № 26). Toulouse 2008. С. 181–190.
- Вендитти М. Внутренняя форма слова у Г. Шпета и у А. Марти // *Густав Шпет и его философское наследие. У истоков семиотики и структурализма* / Под ред. Т. Г. Щедриной. М., 2010. С. 266–273.
- К истории машинописных изданий 1920-х гг., пуб. Левинтона Г. А. и Устинова А. Б. // *Пятые тыняновские чтения*. Рига, 1990. С. 197–210.

¹³ Шпет Г. Г. Мысль и Слово. Избранные труды / Ред. и сост. Т. Г. Щедриной. М., 2005. С. 645.

- Кенигсберг М. М. Понятие внутренней формы у Антона Марти и возможности дальнейшей интерпретации. ЦМAM. Ф. 2900 (Н. И. Жинкин). Оп. 1. Д. 294. Л. 19–60.
- Кенигсберг М. М. Из стихологических этюдов. 1. Анализ понятия «стих» [февраль 1923 г.] / публ. С. Ю. Мазура и М. И. Шапира // *Philologica*. Двухязычный журнал по русской и теоретической филологии. М. – Лондон, 1994. Т. 1. № 1–2. С. 149–185.
- Московская литературная и филологическая жизнь 1920-х годов: машинописный журнал «Гермес» // Пятые Тыняновские чтения. Рига, 1990. С. 167–197.
- Степанова Л. Г., Левинтон Г. А. Из истории дантоведения: статья Д. С. Усова о переводе «Новой жизни» в «Гермесе» // Тыняновский сборник: Шестые – Седьмые – Восьмые Тыняновские чтения. М., 1998. Вып. 10. С. 514–547.
- Шапир М. И. М. М. Кенигсберг и его феноменология стиха // *Russian linguistics*. 1994. № 18. С. 73–113.
- Шапир М. И. Московский Лингвистический Кружок (1915–1924) // Российская наука на заре нового века: Сборник научно-популярных статей. М., 2001. С. 457–464.
- Шпет Г. Г. Мысль и слово. Избранные труды / Ред. и сост. Т. Г. Щедриной. М., 2005.
- Шпет Г. Г. Искусство как вид знания. Избранные труды по философии культуры // Отв. редактор-составитель Т. Г. Щедрина. М., 2007.